

14 MAR 41

Лермонтов в Железноводске

(Отрывок из рассказа)

Конь нетерпеливо бил копытом землю...

Лермонтов вышел на крыльцо. Над Пятигорьем дрожала утренняя прозрачная синь. Далеко на юге, озаренные розовым светом зари, поднимались к небу вершины Кавказского хребта.

Выехав со двора, Лермонтов рысью тронулся в голубеющую прохладой долину между Машуком и Бештау. На росистой траве оставался сизый след копыт. На юговосточном склоне Бештау играли золотом первые лучи солнца. Поэт расправил плечи. Дышалось легко и свободно. Он целиком отдался верховой езде, стараясь ни о чем не думать. Но мысли настойчиво одолевали его. Недавняя ссора с Мартыновым казалась незначительной шуткой. Однако, эта шутка кончилась вызовом на дуэль...

Впереди открывался широкий простор. Теперь конь шел галопом, приминая густую траву и пеструю россыпь цветов. Вскоре Лермонтов ехал по широкой просеке среди леса, проложенной нижними чинами Тенгинского полка в

направлении железноводской долины.

Становилось жарко. В воздухе стоял запах пригретой солнцем земли, дикого клевера и ромашки. Поэт остановил коня, оставил седло. Расстегнув воротник кителя, он ходил по траве, выскивая белые звездочки ромашки. Несколькими цветками он растер ладонях рук и вдруг ощутил свежий и сладкий запах яблок. Яблочный аромат внезапно напомнил ему детские годы, Тарханы, чудесный сад бабушки, в котором солнечные лучи ослепительно трепетали на листьях, на созревающих яблоках, ткали причудливый узор под деревьями, а он, с широко раскрытыми, по детски блестящими глазами стоял очарованным среди сада, среди раскрывающихся перед его взором чудес летнего дня. И все это было — как далекая музыка, как первая любовь, как розовый луч утренней зари, прорывавшийся сквозь кружево занавески...

Лермонтов был снова в седле.

Он миновал лес и теперь впереди открывалась кучерявая лощина у подножья горы Железной. В мыслях неожиданно мелькнуло: „может-быть все это я вижу в последний раз?“... И спускаясь под гору вглубь лощины, Лермонтов стал нащупывать строчки стиха:

Лежал один я на песке долины,

Уступы скал теснились кругом,

И солнце жгло их желтые вершины,

И жгло меня, — но спал я мертвым сном...

* * *

К полудню в Железноводск приехали Лев Пушкин, Быховец, Бенкендорф, Обыденная. Коляска их остановилась возле квартиры Лермонтова. Шумный, белокурый Пушкин ворвался в комнату словно ветер. Друзья обнялись. Пушкин спросил:

— Как твое самочувствие? Ведь вечером дуэль...

— Прекрасно. Я только что осматривал пистолеты, но думаю, что вряд ли они мне понадобятся, так как, по всей вероятности, я выстрелю в Машуху...

— Смотри, Мишель! — Предостерег Пушкин.

Лермонтов провел гостей в сад. Их голоса звенели среди зелени деревьев. Искрилось на солнце вино в бокалах. Раздавались взрывы смеха. Лермонтов больше не хмурился. Лицо его было почти детским, блестящим оживлением глаза.

Соседка Лермонтова положила свою руку на обшлаг кителя поэта, попросила:

— Михаил Юрьевич, прочтите мне стихи...

Лермонтов и Быховец шли между деревьев. Возле дикого камня, обломка скалы, скатившегося с Железной горы на равнину, они остановились. Отсюда открывался живописный вид на Бештау. Все вокруг ярко зеленело. Острая шапка Бештау подпирала густую синеву неба. Лермонтов взял Быховец за руку. Она как будто бы не заметила этой вольности поэта, однако сказала:

— Пора возвращаться.

* * *

Гости уезжали в Пятигорск. Верхом на коне их коляску сопровождал Лермонтов. Сильно парило. Листья деревьев не шевелились.

Теперь поэт был во власти дум. Чаще всего мелькал воп-

рос: „А вдруг сегодня?... Жизнь! Расстилающаяся ковром трав и цветов, синим небом над нами, полуденным зноем, грозами и зорями, смертью и рождением — что величественнее и прекраснее тебя? Оказывается, это начинаешь хорошо понимать только под дулом наведенного на тебя пистолета“...

Коляска выбралась из просеки и теперь покатила по густой траве равнины. Лермонтов догнал коляску и, нагнувшись из седла к Быховцу, спросил неожиданно:

— Было бы вам жаль меня в случае смерти?

— Вы болтаете глупости, Михаил Юрьевич, — строго сказала Быховец.

Лермонтов улыбнулся ей.

Но в этой улыбке скользнула еле уловимая тень грусти. Он хлестнул коня, и, обгоняя коляску с друзьями, крикнул им:

— Сегодня будет гроза!..

Действительно, далеко на западе, почти у самого горизонта, нарастала, клубясь, черная туча и, расправив свои тяжелые крылья, медленно плыла по густой синеве летнего неба к Пятигорью.

П. Орлов.